

СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

РАССКАЗ

У подъезда четырёхэтажного блочного дома, который в провинции называется секцией, сидит старик и сторожит помойные вёдра. Он, конечно, мог бы и не сторожить их. Кому нужны отбросы? Тогда и его самого нужно бы сторожить.

Впрочем, вёдра-то — никелированные. Может, кто из хулиганства их и возьмет. Всякий народ шляется.

Если подумать, Соня, внучка, могла бы вынести вёдра, когда машина подъедет.

«А вы бы в садик пока пошли», — до чего же глупа невестка! Может, ещё и в домино сыграть с бездельниками! Почему нужно объяснять элементарные вещи? И вообще, нужно ли объяснять?

Вот сейчас загудит машина, и он встанет и пойдёт. А может, и не встанет. И его отнесут и положат на стол. Господь знает, когда кого прибирать.

Жил долго, не сказать, что очень счастливо. А кому сейчас хорошо! Но спину ни перед кем не гнул. «Чтоб нам так жить и получать его пенсию», — скажет невестка. Наградил же бабой Господь сына!

Вот, вышел на пенсию, а всё дел невпроворот: не проследи он за машиной, так и будут стоять переполненные вёдра с помоями неделю. А этим что не скажи, всё им некогда.

С того света уже ничего не подскажешь. Как они будут без него!? всю жизнь — всё в дом.

Для семьи старался. В могилу с собой всё не заберёшь. Но кто это оценит? Меньше всего дети. Уж он-то, Лев Ноевич, хорошо это знает: никогда молодые не поймут забот стариков. И если этого вовремя не усвоить, можно сойти с ума.

Жил в семье сына. Заплесневелое слово «иждивенец» к нему никак не подходило. Сам определил свой пай — плата за квартиру. Квартира трёхкомнатная, полпенсии на оплату уходит. Пенсия у него, слава богу, по максимуму. Всю отдавать — потерять независимость.

Да и что толку. Всё равно невестка на тряпки пустит. Раньше смеялся над пресловутыми словами «на чёрный день». Жил широко. Это ещё при жене, покойнице. А тут вдруг стало тревожно. Тайно от сына завел сберкнижку. Не дай бог, что-нибудь случится. Старый Лев привык решать проблемы сам.

Нет. На похороны — перетопчутся. Похоронить отца — это их обязанность. А что касается просьб — до этого ещё не унижался. Вот пальто себе справил. Наверное, последнее. Воротник купил, когда ещё меха были дешёвые. Пальто добротное. Может, ещё и внуку перешьют. А из воротника, по нынешним временам, и шапка выйдет.

Нет, надо сказать сыну, чтобы продал пальто. Нехорошо внуку носить после покойника.

Не забыть бы наказать. Чтоб без лишней суеты. А то приспичит: одно не успел, другое недоделал.

Вот Сергей Спиридонович с третьего этажа занял пятнадцать рублей — и помер. Суетливый был старикашка, ничего не успевал. Лев Ноевич не любит суеты.

— Отдыхаете, Лев Ноевич? Как здоровычко?

Вот, тоже старуха. Всё мельтешит и мельтешит. Уже под семьдесят, а всё мельтешит.

— Здравствуйте, Прасковья Ивановна. На здоровье не жалуясь, — сухо, но вежливо отзывается Лев Ноевич.

Прасковья Ивановна кутается в демисезонное дочкино пальто. Для дочки — пальто вышло из моды. Пальто велико худенькой Прасковье Ивановне. Его продувает насквозь холодный осенний ветер.

— А у меня вот — совсем никуда, — жалуется Прасковья Ивановна. — Сердце болит и болит. Сердечная недостатка. Мне бы санаторию какую, может, полегчает. Да всё недолга. Хоть погибай. На завод ходила: путёвку какую бы дали. Да куда там! Разве найдут для старухи. Всё молодым, молодым. Старых-то и врачи не лечат.

Голос Прасковьи Ивановны журчит где-то рядом. Это знакомо, и потому не раздражает старика:

— У меня сердечно-сосудистая болезнь. Мне бы работу какую бы полегче. Говорю бригадирше, Клавке, чтоб перевела меня коридоры убирать. Тяжело мне в цехе ящики с железом двигать. А бригадирша, баба здоровая, молодая ещё, пятидесяти нет, говорит: «Вам тяжело — увольняйтесь. Мы тоже не лошади». Разве они, молодые, чего понимают? Бывало, стоишь за чем, так всё нороят без очереди. Совести у них нет. Вот и Валька моя...

— Да-да, — отзывается Лев Ноевич.

Прасковья Ивановна сбивается с мысли. Трудно вспоминает, что же она хотела сказать. Что же её всё время мучает?

— Ох, тяжело, так тяжело, что и сказать не можно. Не дождусь, когда этот год, последний до пенсии, пройдёт. В колхозе-то всю жизнь горбатилась, а пенсии не заработала. И что это за жизнь окаянная.

Прасковья Ивановна хотела спросить ещё у Льва Ноевича, как ей на Вальку, дочку, управу найти. Они, евреи, умные. Может, что посоветует дельное. Но в это время с улицы, непрерывно сигналив, въезжает машина, собирающая мусор. Лев Ноевич поднимается. Говорит серьёзно: «Извините, у меня дела». Стучит палкой в переплёт окна и сердито кричит: «Соня, Соня!»

Из парадной выбегает худенькая чернявая девочка. Хватает вёдра, стоящие возле старика. Спешит к машине. Старик следует за ней. Останавливается среди женщин. Сосредоточенно смотрит, как машина с глухим урчаньем пережёвывает содержимое вёдер. Потом молча возвращается к своему месту.

Монументальной глыбой возвышается его тело у входа в дом. И где-то в глубине этой глыбы работает тонкий и хрупкий механизм, который слабеющей пружиной неуверенно раскачивает маятник.

«Кабы знал, где упадёшь, соломы бы подложил».

Вот остановится маятник, и уйдёт Лев Ноевич, провожаемый вежливыми слезами невестки и сдержанным молчанием сына. Он уйдёт с достоинством, без долгов. Соберутся у гроба старые знакомые и прежние друзья, которые уже и встречаются только на похоронах. Помолчат значительно. Потом кто-нибудь скажет о нём: «Если уж такой дуб свалился»... И тогда каждый подумает о себе, но постарается побыстрее отогнать эту неуместную мысль. На похоронах — только о вечном. Но кто-то обязательно бестактно ляпнет:

— Вы слышали, и Залман тоже.

Тему с оживленьем подхватят:

— Да, да. Такой молодой. С десятого года.

А дальше пойдёт:

— У Петра Васильевича жена от рака...

— У Когана сын разбился на машине. Совсем ещё мальчик. Сорок лет.

И ни слова о Льве Ноевиче. Лев Ноевич раздражённо подожмёт губы. Но никто этого не заметит.

Будничная затрещит:

— Я ни за что не разрешу мужу покупать машину. Он такой рассеянный. Всю посуду перебил. Уже до китайского сервиза добрался.

— Ой, я недавно видела в комиссионке у Марковича чудесный английский сервиз. Нежной благородной расцветки. Расписан картинками из времён Диккенса. Фазтоны, гончие, всадницы в Булонском лесу. — Это, конечно, невестка. Только она может не знать, что Булонский лес под Парижем.

— Очаровательный сервиз, но ужасно дорого, — невестка бросит долгий взгляд на мужа.

Тот отведёт глаза. Посмотрит неуверенно на отца.

Лев Ноевич зажмёт глаза ещё плотнее. Зажал бы и уши, если бы это было прилично в его положении.

— Подумаем, — пробормочет сын. — Надо же отцу на памятник.

— Ну, дорогой, не всем же ставят памятники. Можно и так сделать что-нибудь приличное.

Сыну бы одёрнуть жену. Не время заниматься мелочными счётами. Но он промолчит. И этого стерпеть Лев Ноевич уже не сможет.

— По ветру всё пустите! — воскликнет он в гневе.

Все удивлённо повернутся к нему. Наконец-то вспомнили. А невестка спросит:

— Папочка, разве вы не умерли?

Удивительно бестактная особа! Лев Ноевич не удостоит её взглядом.

— Соня, Соня, — закричит он сердито внучке. — Слышишь, машина приехала. Неси ведра!

Не поздоровавшись с гостями, пойдет во двор. Что ляды точить, коли дело есть.

Сын нерешительно бросит вслед отцу:

— Папа, оделись бы. Холодно на улице.

И уже за дверью Лев Ноевич услышит, как кто-то, сочувствуя невестке, скажет:

— Какой, однако, тяжёлый человек. Даже в такой день...

Сказать, что Лев Ноевич не боится смерти, было бы неправдой. Но это не животный, панический страх. Он всё осмыслил, трезво взвесил свои шансы. Конечно, диагноз врача — ещё не смертный приговор. Можно сделать поправку на его некомпетентность или просто лень. Но сбрасывать со счетов неизбежный печальный исход нет оснований.

Когда ты никому не нужен. И меньше всего самому себе. Когда нет никаких желаний, кроме неуверенного желания жить. Но ведь желание жить само по себе для мыслящего человека довольно бессмысленное занятие: поддерживать процесс, единственное назначение которого — ощущать боль...

Машина-«мусорщик» давно уехала. А Прасковья Ивановна всё ещё стоит потерянно и никак не может вспомнить, зачем она вышла во двор.

— Артур, Артур! Где ты? Иди немедля домой! — зовет она внука, который должен гулять где-то во дворе. Дочкино пальто совсем не греет. Да и кровь-то — как вода студёная. На Покров выпал снег: зима будет лютая. Не умереть бы в эту зиму. Холодно будет умирать. А сейчас всё льёт и льёт. Как из ведра...

«Вёдра-то я не вынесла! — вдруг спохватывается Прасковья Ивановна. — Ах, беда какая! Ведь и вышла-то за этим. Совсем старая выжила из ума».

Она спешит домой, будто ждёт её там какое важное дело. Мысли беспокойные, суетливые одолевают её.

«Вот надо бы опять бежать за внуком, да ноги не идут. Надо бы постирать, да рук не поднять. Намахалась шваброй, накрутила тряпок. Спины не разогнуть. Вон бригадирша, Клавка, успевает ещё с Кукушкиным из охраны полюбезничать. Ох, жизнь какая окаянная! А Кукушкин — мужчина видный, хоть и инвалид без ноги. Машину как инвалид получил. На работу на ней гоголем ездит. А председатель Пал Палыч с портфелем вон по трамваям мыкается. Раньше Кукушкин банщиком работал, а теперь вот в охрану определился. Работа непыльная. День да ночь, сутки прочь. Клавка знает, с кем любезничать.

Где же этот паршивец Артур? Ушёл и не идёт. На улице сырость и темень. Не докричишься. Совсем отбился от рук мальчишка. И Валька непутёвая, совсем им не занимается. Ох, наказал Бог дочью... Вроде открывается дверь. Пришли, поди».

— Это ты, Валя?! Артур, негодник! Ноги, поди, промочил? Пальто сырое? — Прасковья Ивановна хочет говорить строго, но голос её срывается от волнения. — Валентина, сымай с него всё. Взопрел он весь. Сажай скорее его в ванну. Да одежду-то хорошо положи, чтоб сохло.

— Да ладно, мама, — лениво отзывается дочь. — Что вы всё командуете? Сидели бы тихо.

— Я бы рада сидеть, да головы у тебя своей нет. Застудишь ребёнка.

— Баба, а в ванной у меня рыбки, — говорит внук.

— Какие ещё рыбки?

— Вчера купила живых карпов на обед. Так мы пустили с Артуром их в ванну. Пусть поплавают. Артур захотел, — поясняет дочь.

— Вот голова! И что учудила! — возмущается Прасковья Ивановна. — А если он завтра корову захочет привести в дом?

— Не-е, корову не надо. Я хомячков хочу, — говорит Артур.

— Ещё чего не хватало! Валентина, перекладывай рыб в таз. Я их пожарю.

— Не жарь! А-а-а, — ревёт Артур.

— Да не реви ты, окаанный! — Прасковья Ивановна гладит внука по голове.

— Мама, что вы ребёнка нервируете?

Ещё Валька голос подаёт. Как устала, как устала Прасковья Ивановна:

— Да мой ты, Валька, ванну скорей. Вон Артур весь дрожит.

«Ох, жизнь какая! И за что это наказание Божье!»

— И ты, леший, не лезь под ноги, — Прасковья Ивановна в сердцах пинает кота, вертящегося рядом.

— Баба, не бей кота, — ревёт внук.

У Вальки муж спортсменом был. Всё бегал куда-то. А хулиган был, что и сказать не можно. Бил её боем. Думала, уйдёт он, будет лучше. Да куда там. Было горе, стало несчастье. Ходит дочь, как чумная. Всё из рук валится.

А ещё кота завела. Всё Артура ублажает. Вонь от этого кота. В ванную не войти. Никто не ходит за котом. Песок сменить не допросишься. И такой кот обжорный. Как поросёнок. Всё поест. И на что он нужен? От них, от котов, одна зараза. И на языке у них зараза. И на рту зараза.

— Кыш, ты, окаанный! Куда залез?

Кот грациозно потягивается, сидя на телевизоре. Тянется лапой к вазе с цветком.

Прасковья Ивановна волнуется: «Сейчас уронит вазу, жеребец нестриженный».

Кот презрительно смотрит на старуху и нагло зеваает, широко раскрывая розовую пасть.

Прасковья Ивановна возмущённо замахивается на него тряпкой. Кот лениво прыгает на пол. Подняв трубой дрожащий хвост, степенно вышагивает к двери кухни.

— Ты погоди, погоди. Я на тебя управу найду, — говорит Прасковья Ивановна вслед коту.

На кухонном полу остатки пиршества: куски колбасы и обглоданная рыба.

— Ах разбойник, — расстроенная Прасковья Ивановна спешит в комнату. А там кот развалился на кровати. Белое покрывало украшено следами его грязных лап. Увидев Прасковью Ивановну, кот ныряет под диван. Прасковья Ивановна шваброй пытается достать кота, но тот забивается в самый дальний угол и начинает выводить такие жалобные рулады, будто пришёл его смертный час. Но до его смертного часа ещё далеко. Но старуху он таки загонит в гроб.

— Выходи немедленно, — кричит Прасковья Ивановна.

— Не хочу, — воеет кот.

Прасковья Ивановна не удивляется. Да и чему удивляться. Такое уж время настало. Это он, кот, у Вальки научился. Ему слово — а он два поперёк. Заставляет, шельмец, на колени вставать. Прасковья Ивановна заглядывает под диван:

— У-у, зверюга... Ох, спину-то не разогнуть. Ты зачем слопал колбасу?

— Это не я, — нагло врёт кот.

— Не дури мне голову! Я, что ли? — возмущается Прасковья Ивановна.

Кот молчит. Не всю ещё совесть на чердаке оставил.

Вечером судили кота. Прокурором вызвалась стать Прасковья Ивановна. Защитником стал Артур. А Вальку, поскольку ей было всё равно, назначили судьёй. Несмотря на протесты обвиняемого и его требование отвода прокурора, его признали виновным. Суд был скорый, но справедливый. Хотя кот грязно намекал, что колбаса была протухшей, а рыба костлявой.

Прасковья Ивановна была довольна. Артур тоже. Экзекуцию поручили ему.

«Ах, дети-дети. Не ведают, что творят», — с грустью размышлял кот, когда его шнурком привязывали к двери.

Артур стегал кота галстуком. Галстук был шёлковый, небесно-голубого цвета. Как глаза Артура. С тех пор, как «этот хулиган» бросил Вальку, Прасковья Ивановна этим галстуком подвязывала фартук.

— Ремнём его, ремнём, — настаивала Прасковья Ивановна. Но ремень не могли найти.

Кот подобрался весь, прижал плотно уши к голове и собрался было умирать. Но увидев радостную физиономию хозяйкиного внука, передумал: зачем огорчать мальчишку. Кот всё-таки, что бы ни говорила Прасковья Ивановна, имел доброе сердце. Да и само по себе «умирать» представлялось коту довольно скучным занятием. Наблюдая сквозь щелки глаз за старухой, он осторожно хватал лапой галстук, чем доставлял себе и Артуру несказанное удовольствие.

— Что ты его гладишь-то галстуком! Ремнём бы его надо, — суетится Прасковья Ивановна.

— Не надо, баба, — солидно отвечает Артур. — Он и так уже, наверное, умер. Видишь, глаза закрыл.

— Вы что мне голову дурите? Ему совсем не больно, — сердится бабка.

— Больно, больно, — кричит внук.

— Тебе же больно? — спрашивает он у кота.

— Ещё как! — нагло врёт кот.

— Баба, может, простим его. Он больше не будет, — просит Артур.

— Как же! Он меня за палец оцарапал, а я его прощать! — возмущается, но не очень уверенно, Прасковья Ивановна, помня, что палец она порезала, когда чистила этих треклятых рыб.

— Не царапал я её! — у кота от негодования шерсть встаёт дыбом. Он сам привык обманывать, а тут на него напраслину хотят возвести.

— Бесстыжие! — наступает Прасковья Ивановна. — Вот пойду в школу, скажу учительше про всё. Кота завели мне на погибель... Всё учительше расскажу... Да уберись ты от меня, хамская порода! Ишь, боксер какой. Ишь, боксёр. Сейчас заплачешь, как ремнём огрею.

— Не огреешь. Я ремень ещё вчера спрятал, — Артур колотит кулаками по бабкиным бокам. И слёзы текут по его лицу.

— Ну ладно, — миролюбиво говорит бабка. — Иди ешь немедля. Чтоб весь суп съел.

Внук покорно садится за стол.

— Не съешь суп, так и знай, всё расскажу учительше. «Господи, наконец-то полчаса покой будет!»

Вечер. Прасковья Ивановна ворчит: «Чего это Валька застряла в комнате постояльца? Только мешает человеку».

А Валька совсем не мешает постояльцу. Это постоялец какой-то недогадливый. Валька всё собиралась десятый класс закончить в вечерней школе. А тут постоялец подвернулся, весь из себя шибко умный. Говорит: «Давай, Валя, я тебя по геометрии натаскаю». Вальке не понравилось слово «натаскаю», но она вдруг вспомнила своего «бывшего муженька», и у неё почему-то сладко заныло сердце.

На коленях у Валентины лежит книга. Постоялец часто кладёт руку на книгу, да так, что каждый раз прижимает локтем Валькино бедро. А Валька делает вид, что ничего не понимает.

Другое дело кот. Он сидит напротив, и ему не надо притворяться дураком.

А Валентина только водит наманикюренным пальчиком по книжке — и ничего. У постояльца уже руки дрожат от напряжения и глаза будто жирным супом залиты.

А сама-то Валентина, точно лужа после дождя. Вся расплылась.

— Нет-нет, — говорит Валька. — Я ничего не понимаю.

Ясно, пора откладывать книжку. А постоялец точно как кастрированный кот из соседнего подъезда. Сделал постную рожу и стал чертить формулы на бумаге.

Так и проболтали зря. Постоялец уже с квартиры съезжает. Кончился срок его командировки. Валька стоит в дверях, ласково смотрит на постояльца. Постоялец возится с чемоданом. И кот тут же. Где же ему ещё быть. Сидит, ждёт другого постояльца. А Валька еще не ждёт другого постояльца. Она от прежнего постояльца ещё не отошла. Всё вздыхает.

— Ой, вы уезжаете. А мы так привыкли к вам, — говорит она.

А на физиономии постояльца суконное выражение. Злитесь, наверное, что Вальку по геометрии натаскивал, и всё без толку. Конечно уж, не о Валькиных знаниях он печётся. Жалко! Уж больно хороша Валька!

Постоялец давит коленом на чемодан. Чемодан, наконец, закрылся, переполненный, как брюхо обжоры.

— Всё, поди, подарки жене везёте, — Валька осторожно вздыхает.

— Да нет. Всё книги, — врёт постоялец.

— Ну? Целоваться не будем? — постоялец облизывает жирные губы.

— Можно деньгами, — подсказывает кот, но никто, кроме Прасковьи Ивановны, его не услышал.

— Кыш, ты, проклятый, — Прасковья Ивановна пинает кота, но не сильно.

— Почему же?! — Валька подставляет свой полный яркий рот. И уже ресницы томно опустила.

Но постояльцу почему-то расхотелось целовать Вальку. Такую сдобную Вальку! Он только слегка приложился губами к розовой Валькиной щёчке.

Не нужна постояльцу Валька. Постоялец, поди, уже о своей жене мечтает. Это всем ясно. Только Вальке не ясно. Она ещё долго в ласковой задумчивости будет глядеть на дверь, за которой скрылся постоялец.

Прибирается в пустой комнате Прасковья Ивановна. А Валька всё сидит, опустив руки между колен, и по лицу её блуждает любовная дурь.

Спустя несколько дней появился новый постоялец. Что пропадать комнате? Всё деньги в дом. Вот Вальке надо бы платье новое справить. Много ли Прасковья Ивановна зарабатывает!

Новый постоялец — обходительный молодой человек. Вежливый. Как бухгалтер, всё рассчитал, всё уточнил: через сколько дней бельё меняют, полотенце даёт ли хозяйка или он своё повесит. Нужно ли за свет платить и за газ — другой раз чайку согреть или что... Надо же заранее обо всём договориться. Ему квартирные не ахти какие платят.

Прасковья Ивановна про квартирные и слухом не слыхала, но со всеми постояльцами всегда договаривалась. А этот — умник какой выискался.

Постоялец и про жену свою рассказал: такая она у него красавица. И дочка отличница. И сам он — начальник. И потом он сказал, что у него много дел и чтоб Артур в его комнату не заходил. И кошек он не любит.

Не понравился новый постоялец Прасковье Ивановне. И чем ему ещё кот не угодил!? Но виду Прасковья Ивановна не подала. Вежливо с постояльцем разговаривала. Даже пожаловалась ему:

— Понаехал тут народ. Круговерть какая-то. Толкутся всё. Муравейник точно. Позасели в клетушки. Ходят рядом, и не знаешь, кто ходит. Бывало, дома-то, из-под Ельца мы, все знатные, все знакомые. Каждый уважительно: «Здравствуй, Прасковья».

Пришла Валька. Постоялец размазал улыбку по своему лицу. Скучно посмотрел на Прасковью Ивановну: мол, кончай, старая. Прасковья Ивановна поджала губы, ушла на кухню.

Постоялец достал бутылку вина:

— За знакомство, Валентина...Как вас по батюшке?

— Зовите меня просто Валя, — кокетничает Валентина.

Кот, несмотря на запрет постояльца, уселся на самое видное место, посреди комнаты.

Постоялец, как увидел Вальку, так и про кота забыл. У Вальки рот намазан невкусной красной помадой. И следы её остаются на стакане. Включили радиолу и стали танцевать.

Постоялец что-то говорил Вальке на ухо, та громко хохотала:

— Ой, что Вы. Мы с Вами совсем не знакомы.

Коту стало скучно, и он залез под диван. Оттуда были видны только ноги танцующих. Валька танцевала без туфель, в чулках. Партнёр её не вышел ростом.

Иногда Валькины пятки отрывались от пола, и тогда черные штилеты постояльца скрипели особенно пронзительно под двойной тяжестью. От Валькиных пяток пахло сыром. Кот морщил нос и чихал. Впрочем, он мог чихать и от пыли.

Прасковья Ивановна укладывалась спать. Радиола орала во всю мощь: девка долдонила, чтоб её кто-то разлюбил да порог не обивал. И что за бабы нынче: «не приходи», а принимают.

Прасковья Ивановна так и не дослушала, что у этой девки с пластинки ещё приключилось. Заснула.

Всё зиму проболела Прасковья Ивановна. Встала, когда на дворе повеяло весной. Ветер принёс издали запах сырой земли, леса и ещё чего-то знакомого и волнующего, но совсем забытого здесь, в городе.

Третий день кота нет. Прасковья Ивановна вышла во двор посмотреть: не сидит ли где. Во дворе сидел только Лев Ноевич. «Тоже пережил зиму», — радостно подумала Прасковья Ивановна.

Загудела машина, въезжая с улицы.

— Соня, Соня! Неси вёдра! — слышится требовательный голос старика.

Ну, всё хорошо. Всё по-прежнему.